

НѢСКОЛЬКО ЧАСТНОСТЕЙ

ВО ВРЕМЯ ИНКЕРМАНСКАГО ДѢЛА НА НАШЕМЪ ЛѢВОМЪ ФЛАНГѢ.

(Изъ записокъ унтеръ-офицера.)

По выступленіи Тарутинскаго егерскаго полка изъ Севастополя, 20 октября 1854 года, баталіоны наши, въ ночь съ 21 на 22 число, остановились на Федюхиныхъ высотахъ, за Каменнымъ, или Трактирнымъ мостомъ. Недѣли полторы передъ тѣмъ непріатель былъ вытѣсненъ отсюда отрядомъ генерала Липранди, и видны были еще слѣды безпорядочнаго отступленія союзныхъ враговъ: изломанное оружіе, изорванные мундиры и различныя военныя принадлежности. Непріательскіе верки представляли также картину разрушенія. Въ воздухѣ носился тотъ особенный запахъ, который обыкновенно въ жаркое время долго держится на поляхъ битвъ—запахъ крови.

Блистательная побѣда 13 октября 1854 года имѣла важное вліяніе въ нравственномъ смыслѣ: она возвысила духъ нашихъ войскъ послѣ неудачнаго альминскаго дѣла, доказавъ возможность торжества надъ противниками.

На этой позиціи встрѣтили мы утро и провели день, а съ 22 на 23 число, вечеромъ, получено было приказаніе слѣдовать на инкерманскую дорогу. Черезъ Мекензіевъ лѣсъ мы прибыли туда рано утромъ.

Погода 23 числа, съ самаго утра, была сырая; шелъ мелкій холодный дождь, насквозь пробивавшій наши ветхія шинели.

По занятіи позиціи за домиками (вблизи инкерманской дороги), всякій изъ насъ озаботился приготовить себѣ мѣсто. Солдаты стали носить дубовыя съ листьями вѣтви для шалашей, рыли ямки, раскладывали въ нихъ огонь, чтобы обсушить землю.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ утромъ, до нашего прихода, были лѣсъ и кустарникъ, вечеромъ возвышался родъ табора изъ землянокъ-шалашей, разбросанныхъ въ различныхъ направленіяхъ. Солдаты были довольны этими скороспѣлыми помѣщеніями: во всѣхъ концахъ лагеря раздавались удалыя пѣсни, вторимыя свирѣлю-самодѣльщиной; кой-гдѣ слышались молитвы. Около офицерскихъ шалашей грѣлись на угольяхъ чайники, стояли погребцы съ вынутыми принадлежностями для закуски, состоявшей изъ солдатскихъ сухарей, лука, селедки и куска сала. Мѣстами можно было замѣтить и колоды распечатанныхъ картъ, порядочно замасленныхъ. Нашъ таборъ-скороспѣлка имѣлъ неподдѣльно веселый видъ. Здѣсь солдатъ-балагуръ рассказывалъ какую-то сказку, и окружающіе, разинувъ рты, простодушно хохотали, хотя рассказъ былъ вовсе не смѣшной; тамъ бархатался пьяный деньщикъ, свалившійся на возвратномъ пути изъ духана съ офицерской покупкой, то есть сушеной рыбой (таранью), которая валялась около него въ грязи и которой онъ не могъ никакъ отыскать. Проходившіе мимо солдаты, по странной ненависти своей къ деньщикамъ, осыпали пьянаго своими остротами, на что онъ отвѣчалъ крупною бранью. Въ иныхъ мѣстахъ солдаты играли въ носки, и хлопанье по носамъ, сопровождаемое счетомъ «разъ-два» и смѣхомъ окружающихъ, разносилось по бивуаку.

Часамъ къ девяти все успокоилось, все спало богатырскимъ сномъ, все храпѣло на различные тоны и переливы. Нагулявшись по позиціи, я тоже отправился въ свою берлогу, то есть въ ямку, покрытую вѣтками дубняка, гдѣ меня давно ожидалъ котелокъ застывшей каши, превратившейся въ синюю студень. Солдаты одного со мною десятка всѣ спали. Не спалъ одинъ старикъ-дядька Игошкинъ: онъ задумчиво сидѣлъ у огня и мѣшалъ угольки костра, разложеннаго передъ нашей общей ямой.

Я подошелъ къ нему и спросилъ довольно громко, отчего онъ не спитъ. Дядька молча показалъ на сосѣдній шалашъ, давая мнѣ понять, чтобы я говорилъ тише. То былъ шалашъ нашего командира баталіона, Александра Матвѣича Г. Больше и

не нужно было говорить, чтобы заставить всякаго изъ насъ быть поскромнѣе, и потому я тихонько спустился въ свое логовище. Вдругъ послышался крикъ: «эй, ты! что лѣзешь по головамъ? раздавилъ!... али не видишь?» и вслѣдъ затѣмъ раздался возгласъ изъ шалаша: «молчать! что зашевелились!» Мы свернулись колесомъ и притаили дыханіе. Спать мнѣ хотѣлось; но сонъ бѣжалъ меня. Прозябъ ли я, былъ ли голодень, не знаю; только я всталъ, осторожно вышелъ изъ ямки и подсѣлъ къ огоньку, прикрывшись дубовой вѣткой. Дядька мой, по прежнему, сидѣлъ у огонька, помѣшивая угольки и пуская клубы дыма изъ своей коротенькой трубочки.

Было тихо и темно. Накапывалъ мелкій дождь. Изрѣдка слышалось ржаніе лошадей стоявшей сзади нашей позиціи пѣшей артиллеріи, да порою раздавались выстрѣлы изъ Севастополя, глухо замиравшіе въ горахъ. Около полуночи услышалъ я конскій топотъ съ инкерманской дороги, отъ сѣверной стороны крѣпости. Оглянувшись и всмотрѣвшись въ темноту, откуда несся топотъ, дядька и я замѣтили приближеніе двухъ всадниковъ: одинъ былъ жандармъ, другой казакъ. Они ѣхали по направленію къ нашему костру. На вопросъ: «гдѣ командующій полкомъ?» дядька молча показалъ имъ на сосѣдній шалашъ, гдѣ спалъ подполковникъ Г..., командовавшій Тарутинскимъ полкомъ, по случаю неприбытія только что назначеннаго новаго командира.

Казакъ и жандармъ безъ доклада вошли въ шалашъ подполковника, разбудили его и подали пакетъ.

Въ шалашѣ командующаго полкомъ тотчасъ же показался огонь, и сквозь рѣдкіе сучья мы видѣли, какъ, во время чтенія, мѣнялись черты всегда спокойнаго лица нашего начальника. Прочитавъ бумаги, подполковникъ послалъ казака за дежурнымъ фельдфебелемъ и, по приходѣ его, приказалъ: «въ ротахъ готовить скорѣй обѣдъ, раздать по двѣ чарки водки и быть готовымъ выступить въ три часа ночи».

По уходѣ фельдфебеля, подполковникъ Г... вышелъ изъ своего шалаша; мы притаились за темной стороною нашего пріюта. Взглянувъ на бивуакъ, начальникъ перекрестился, перекрестилъ бивуакъ, задумался и, сказавъ что-то про себя, началъ ходить по позиціи со всегдашнимъ спокойнымъ своимъ лицомъ.

Дядька мой сказалъ: «должно быть, завтра намъ рано утромъ

идти на какуюнибудь дальнюю новую позицію или за чистой отставкой....»

Долго ходилъ подполковникъ по бивуаку, заглядывая съ участіемъ въ шалаши солдатъ, спокойно спавшихъ, и когда возвратился къ своему шалашу, къ нему подбѣжалъ дежурный фельдфебель съ докладомъ: «обѣдъ готовъ».

«Будить людей, раздавать обѣдъ и водку, да живо и тихо!» было приказаніемъ. На бивуакѣ зашевелились. Солдаты, съ заспанными глазами, удивлялись такому раннему пробужденію и обѣду въ третьемъ часу ночи. Пошли сужденія, заключенія, толки, догадки. Стали раздавать водку и говяжьи порціи—поднялся шумъ: одинъ былъ недоволенъ костью, другому достался малъ кусокъ. «Что малъ, что кость!»—въ отвѣтъ ворчалъ какойнибудь старый капральный ефрейторъ — «смотри, братъ, кабы и этого-то въ брюхѣ не оцупалъ Французъ штыкомъ!...»

«— Въ ружье! крикнулъ изъ шалаша командующій полкомъ.

«— Въ ружье, въ ружье! раздалось по бивуаку.

«— Надѣвай ранцы!... ну, живо! видишь, *артилерія* поѣхала, говорили фельдфебели.

И дѣйствительно: глухой стукъ колесъ и шлепанье по грязи прислуги слышались по дорогѣ, ведущей къ инкерманскому мосту. Но вотъ и у насъ раздалась монотонная команда: «знаменные ряды прямо! прочіе налѣво и направо! ружье вольно! шагомъ маршъ!...» и мы тронулись вслѣдъ за артиллеріей и, въ свою очередь, пошли шлепать по знакомой намъ дорогѣ.

Медленно и сонливо передвигали ноги солдатики; не было ни говора, ни шума. Всякій думалъ свою думу—думу крѣпкую—и, конечно, души многихъ чувствовали, что наступающее утро будетъ послѣднимъ днемъ въ ихъ жизни. Никто не зналъ, куда и зачѣмъ ведутъ насъ такъ рано, хотя ночной обѣдъ, лишняя чарка водки и путь къ непріятельской позиціи заставляли догадываться. Въ рядахъ иногда раздавались вздохи; даже лошадь подполковника Г..., ѣхавшаго впереди баталіона, застонала какъ-то странно. «Что ты, что ты стонешь, *карий*?» говорилъ Г..., трепля ее по шеѣ, а самъ измѣнился въ лицѣ. Но *карий* продолжалъ стонать и вздыхать, понурая голову.

Приблизились къ мосту, наведенному прежде нашего прихода. Стало свѣтать. Одинъ пароходъ стоялъ въ концѣ Большой бухты (рейда), выжидая приказанія дѣйствовать. Пѣшія и кон-

ныя батареи, переправившись черезъ мостъ, понеслись вверхъ по откосной дорогѣ. Пѣхота двигалась вслѣдъ. За мостомъ баталіоны перестраивались на походѣ въ ротныя колонны и, кромѣ втораго баталіона нашего полка (которымъ командовалъ Г...), разными направленіями поднимались на крутыя возвышенности Инкермана, поросшія кизилевыми и терновыми кустарниками.

Ротныя колонны приближались уже къ гребню возвышенности, а нашъ второй баталіонъ стоялъ за мостомъ, внизу горы, близъ самой бухты. Солдаты не знали причины нашей остановки здѣсь, когда товарищи шли въ бой, и потому стояли спокойно, держа ружья у ноги, посматривали вверхъ на гору, гдѣ скрывались роты, уже достигшія вершинъ.

Слышно было, какъ дѣйствовала пѣшая артиллерія, бывшая на гребнѣ горы, открывъ огонь навѣсными выстрѣлами черезъ головы нашего баталіона, и пароходъ, стоявшій сзади насъ въ бухтѣ (имя парохода не помню). Вслѣдъ затѣмъ посыпались отвѣтные непріятельскіе снаряды; они перелетали черезъ гребень горы.

Картечныя гранаты чаще стали лопаться передъ нашимъ баталіономъ. Ядра небольшихъ калибровъ постукивали о землю и сзади и спереди. Штуцерныя пули визжали передъ нашими носами. Въ ущелья всякій выстрѣлъ, всякій разрывъ гранаты гудѣли многократнымъ отголоскомъ. Въ этотъ самый моментъ, подскакалъ къ нашему баталіону генералъ, неизвѣстный никому изъ насъ. Съ нимъ подъѣхалъ нашъ новый командиръ полка, полковникъ Г..., котораго мы увидѣли здѣсь въ первый разъ. Генералъ съ сердцемъ спросилъ: «чей это баталіонъ? какого полка? кто баталіонный командиръ (назвавъ при этомъ весь баталіонъ не слишкомъ лестнымъ именемъ)? по какому случаю вы здѣсь стоите?» Въ это время, подскакалъ и нашъ баталіонный командиръ. Генералъ встрѣтилъ его строгими словами. Однако, мы все стояли на мѣстѣ, дожидаясь своего командира, который, не получивъ опредѣлительныхъ приказаній, поѣхалъ лично спросить: «по какому направленію вести баталіонъ?» За нашего баталіоннаго командира всѣ готовы были поручиться: мы хорошо знали и видѣли его ничѣмъ непоколебимую холодную стойкость при Альмѣ и во время фланговаго движенія къ Бахчисараю 12 сентября. Тотчасъ послѣ того, подполковникъ тронулъ баталіонъ и повелъ насъ въ гору, туда, гдѣ была наша артиллерія. Перелетавшіе черезъ насъ снаряды, въ особенности картечныя

гранаты, сильно тронули наши ряды: много мы потеряли убитыми и ранеными.

Подниматься въ гору было очень трудно. Ило-глинистая почва отъ дождей распустилась, такъ что мы, скользя по ней, хватались за кусты, упирались прикладами, а иногда и подсаживали другъ друга. Добравшись до позиціи нашей артиллеріи, мы остановились позади ся перевести духъ и тутъ же бросили свои мѣшки, бывшіе у насъ вмѣсто ранцевъ.

Немного выше этого мѣста, стояли зарядные ящики, валялись убитыя лошади и кучами лежали изуродованные артиллеристы. Ядра низали нашу артиллерію до крайности; но ея командиръ, сидя въ буркѣ верхомъ, задомъ къ сторонѣ непріятеля и лицомъ передъ дулами своихъ орудій, хладнокровно отдавалъ приказанія, какими дѣйствовать снарядами. Прислуга быстро исполняла свои обязанности, не обращая вниманія на всѣ ужасы смерти и огромную убыль своихъ товарищей. Войска, двигавшіяся изъ Севастополя, хотя и толпами, но дружно и восторженно, съ громкими криками, ускореннымъ шагомъ проходили мимо нашей артиллеріи, по лощинѣ, подъ страшнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, на слѣдующую возвышенность, черезъ каменоломню. Наши артиллеристы кричали имъ: «Проходите, проходите, братцы, скорѣй! Не заслоняйте насъ. Изъ-за васъ и насъ перебьютъ: вамъ нельзя отвѣчать непріятелю.» А непріятель, въ самомъ дѣлѣ, сильно билъ съ одной возвышенной земляной батареей, стрѣляя хотя рѣдко, но, какъ говорится, мѣтко.

Нашъ баталіонный командиръ, передъ тѣмъ только что построилъ свой баталіонъ въ ротныя колонны, напомнивъ намъ о долгѣ чести и совѣтуя, какъ намъ, такъ равно и проходящимъ мимо насъ войскамъ, не разсыпаться: «какъ мухъ перебьютъ и возьмутъ всѣхъ въ плѣнъ», говорилъ онъ.

На противоположной балкѣ появились красные мундиры англійскихъ гвардейцевъ. Подполковникъ скомандовалъ: «маршъ», и всѣ бросились на «ура!» Какъ только мы спустились внизъ, нашему баталіонному командиру оторвало пулей правое ухо. Кровь струею бѣжала по его сѣрой шинели; но онъ, зажавъ рану рукой, не отставалъ отъ насъ, хотя былъ безъ лошади—пѣшкомъ. Ему, какъ раненому, можно было бы выйти изъ боя на перевязку; но онъ не хотѣлъ оставить сраженія и своихъ подчиненныхъ безъ руководителя, и тѣмъ болѣе въ минуту опас-

ности. Солдаты разъединились. Подполковникъ Г..., предчувствуя гибельныя послѣдствія уже начавшагося безпорядка, закричалъ своимъ звучнымъ голосомъ: «эхъ-ма! эдакъ погибнете вы, ребята!... Богъ съ вами!...» Эти послѣднія его слова раздались какъ-то въ антрактѣ стрѣльбы и разнеслись по каменоломнѣ, но тотчасъ же были заглушены ружейнымъ огнемъ и стопами раненыхъ. Многіе изъ насъ оглянулись назадъ и видѣли, какъ подполковникъ махнулъ рукой; послѣ того мы уже не видали его — онъ пропалъ безъ вѣсти: вѣроятно, былъ убитъ или умеръ отъ вновь полученныхъ ранъ. Миръ праху твоему, отецъ-командиръ!...

Свинцовый дождь усилился. Наши ротныя колонны, въ нестройныхъ рядахъ, перебѣгали низменное пространство каменоломни съ неумолкаемымъ крикомъ: «ура!» и карабкались на слѣдующую, довольно крутую, возвышенность, задыхаясь отъ ускореннаго бѣга и нравственныхъ ощущеній. На этой возвышенности, вправо отъ насъ, торчала англійская батарея, замѣченная нами по густымъ клубамъ дыма, вылетавашаго изъ пушекъ. Непрiятель билъ гранатами и ядрами; его снаряды гудѣли надъ нашими головами. Англичане, кажется, не обращали вниманія на пѣхоту, потому что всѣ ихъ выстрѣлы были направлены на нашу артиллерію, стоявшую на дорогѣ въ Севастополь. Едва только поднялись нѣкоторыя роты къ батарее, какъ тотчасъ же были засыпаны картечью и тучами пуль. На этомъ самомъ мѣстѣ, и въ одинъ и тотъ же мигъ, легло много нашихъ офицеровъ, и роты на половину уменьшились въ своемъ составѣ. Нѣсколько кучекъ Англичанъ кинулись было на насъ въ штыки изъ-за батареи, и имъ удалось заколотъ и сбросить нѣсколькихъ Русскихъ подъ гору; но нашъ трехгранный штыкъ поддержалъ свою старинную славу. Я видѣлъ удалъ одного-унтеръ офицера 2-й карабинерной роты (изъ безсрочно-отпускныхъ Московской губерніи). Фамиліи его не помню; но его рыжіе волосы и суровое лицо запечатлѣлись въ моей памяти. Онъ угомонилъ до пяти рослыхъ англійскихъ гвардейцевъ. Ободренные его примѣромъ, и молодые солдаты ловко работали штыкомъ. Бравый унтеръ-офицеръ былъ убитъ.

Батарея была взята, несмотря на всѣ старанія какого-то непріятельскаго офицера, который въ бѣломъ плащѣ носился по рядамъ и подгонялъ своихъ солдатъ нагайкой. Недолго онъ ска-

калъ: его подстрѣлили наши штуцерные; а его подчиненные, избавясь отъ ударовъ нагайки, съ особеннымъ удовольствіемъ отступали ускореннымъ шагомъ. Безтолковая поговорка: «пуля виноватаго найдетъ», послужила намъ здѣсь въ большой вредъ: наши солдаты, и безъ того плохо стрѣлявшіе въ мирное время, старались въ бою выпустить какъ можно больше патроновъ, не заботясь о дѣйствительности выстрѣловъ. Англичане, отступившіе съ батареями, не видя за собою преслѣдованія и замѣтивъ не дѣйствительность нашей стрѣльбы, останавливались и въ разстоянія какихъ нибудь 60 шаговъ прехладнокровно поражали насъ пулями на выборъ. На грѣхъ, бывшіе сзади насъ мушкетерскіе полки, расположенные по дорогѣ на противоположной возвышенности, ниже нашей артиллеріи, открыли по насъ огонь, конечно потому, что въ дыму и туманѣ не различали своихъ отъ непріятеля, или, можетъ быть, думая: «своя своихъ не тронетъ». Вышло дѣло не такъ: не одна легла тутъ голова и отъ своихъ пуль. Убитые своими, по неосторожности, были очень замѣтны: мы находились на самой горѣ и ея крутомъ откосѣ, и убитые и раненые непріателемъ падали на спину, стремглавъ скатываясь подъ гору; убитые же сзади, своими, падали лицомъ къ горѣ, не скатываясь, а какъ бы прижимаясь къ ней (*).

Все это произошло, вѣроятно, отъ недостатка офицеровъ и вслѣдствіе безначалія. Сбылись предсказанія нашего баталіоннаго командира: чтобъ продолжать такъ счастливо начатое, нуженъ былъ порядокъ, нужно было единодушіе, а этого-то и недоставало намъ для удержанія первыхъ удачъ побѣды за собой. Солдаты, не видя передъ собою начальниковъ, забывали свои обязанности, бродили по отбитымъ батареямъ, носили раненыхъ на перевязочный пунктъ, а многіе таскали и мертвыхъ туда же, подъ предлогомъ уборки тѣлъ, чтобы удалиться изъ боя. Два раза свѣжія роты другихъ полковъ занимали эту возвышенность и батарею, выгоняя оттуда Англичанъ штыками, но, по причинѣ безпорядка, были всегда отбиваемы и прогоняемы внизъ къ Черной рѣчкѣ. Нашихъ отступающихъ по низу Черной рѣчки Англичане провожали штуцерными пулями. Они поражали остатки

(*) Подобная стрѣльба случилась съ нашими артиллеристами во время рекогносцировки 7 сентября, наканунѣ альминской битвы. Они сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по возвращавшимся нашимъ гусарамъ. По счастью, ни одно ядро не задѣло никого.

разбитыхъ ротъ, лишенныхъ своихъ командировъ, стрѣляя съ обрывистой скалы вертикально; но пули, летавшія на такомъ близкомъ разстояніи и съ особеннымъ какимъ-то визгомъ, ожесточили нашихъ солдатъ: увидя бесполезно погибшихъ и погибающихъ товарищей, они, собравшись кучками, съ изступленіемъ бросились опять на эту возвышенность, гдѣ, встрѣтивъ англійскихъ удалцовъ, перекололи ихъ и снова овладѣли на нѣсколько минутъ непріятельскими батареями.

Въ этотъ моментъ намъ показалось, что побѣда должна остаться за нами. Солдаты тащили съ непріятельскихъ батарей двѣ чугунныя пушки (*), съ тремя артиллерійскими лошадьми, и вели въ плѣнъ молодаго англійскаго офицера, съ нѣсколькими солдатами. Стрѣльба стала утихать. На возвышенностяхъ число англійскихъ труповъ преобладало, повидимому, надъ русскими; безпорядокъ же и безначаліе болѣе и болѣе увеличивались. Воротники и погоны различныхъ цвѣтовъ и нумерацій перемѣшались; въ нѣкоторыхъ частяхъ всѣ офицеры выбыли изъ строя, и солдаты, забывъ о повиновеніи и какъ будто отуманенные, не слушали совѣта старослуживыхъ: «построиться всѣмъ въ общую колонну и дѣйствовать облавой». Всѣ безсознательно бродили, отыскивая свои полки, и всѣ почти впослѣдствіи были истреблены непріателемъ въ той же лощинѣ.

Между тѣмъ, раздались на непріятельской сторонѣ сигналы и крики: на помощь къ Англичанамъ шли Французы, открывъ сильный ружейный огонь. Нѣсколько мушкетерскихъ баталіоновъ, въ толпахъ, съ барабаннымъ боемъ, ударили было на нихъ въ штыки; но мѣткій ружейный огонь непріятеля съ разу привелъ нашихъ въ безпорядокъ, и мушкетеры отступили. Сумятица увеличилась. Крики: «гдѣ резервъ? гдѣ резервъ?» слышались отсюду. Да и правда: будь въ то время свѣжая дивизія, возвышенности съ непріятельскими батареями, пожалуй, остались бы за нами, потому что непріятель, несмотря на свой перевѣсъ въ огнѣ, видимо ослабѣвалъ отъ засѣвшихъ въ кустахъ немногихъ русскихъ удалцовъ, которые внезапно и отчаянно бросились въ штыки на Французовъ и производили въ рядахъ ихъ замѣшательство. И не разъ непріятель, разсѣявъ наши большія толпы, принужденъ былъ отступать отъ ничтожной горсти

(*) Эти пушки, при появленіи Французовъ, пришедшихъ на помощь къ Англичанамъ, были брошены въ лощинѣ.

молодцовъ, обрѣкшихъ себя на смерть. Такими отчаянными кучками командовали рѣшительные офицеры и молодые юнкера, обладавшіе всѣми качествами, необходимыми для воодушевленія упавшихъ духомъ.

Было за полдень. Бой замѣтно ослабѣвалъ. Утомленные толпы собирались къ инкерманской дорогѣ и къ мосту, на которомъ кровь отъ переносимыхъ на перевязку раненыхъ заеклась и тропой шла къ Инкерману и перевязочному пункту, бывшему за мостомъ, внизу маяка. Близъ рѣчки, недалеко отъ моста, на которомъ стоялъ генералъ Кирьяковъ, строились знаменныя ряды нѣкоторыхъ полковъ, съ знаменами,

Когда, послѣ столь успѣшно начатаго и столь неудачно окончившагося дѣла, собрались небольшія кучки раненыхъ и нераненыхъ офицеровъ и солдатъ, первые не находили своихъ подчиненныхъ, послѣдніе — начальниковъ. Офицеры между собою толковали о ходѣ сраженія и о причинахъ неудачи. Одни говорили: «Дѣло проиграно отъ беспорядка и безначалія. Наши войска не привыкли дѣйствовать на мѣстности горной».

«Гораздо лучше было бы — говорили другіе — идти цѣлыми баталіонами, а не въ ротныхъ колоннахъ, и, не останавливаясь, пользоваться успѣхами: тогда убыль старшихъ замѣнялась бы младшими, и колонны не лишались бы своихъ непосредственныхъ начальниковъ вовсе, слѣдовательно солдаты не теряли бы дисциплины.»

Дѣйствительно, такъ какъ въ ротныхъ колоннахъ начальствующихъ было мало, да и тѣ скоро выбыли изъ строя, то солдаты расходились кто куда. Остановить ихъ было некому. Слѣдовавшія же свѣжія роты, также отчасти разстроенныя убылью чиновъ, разъединяемыя притомъ между собою кустарникомъ, неровностями и другими мѣстными препятствіями и, наконецъ, только что потерявшія своихъ офицеровъ, смѣшивались съ толпами, теряли бодрость, не думали о повиненіи. Никто изъ разговаривавшихъ офицеровъ не отвергалъ пользы ротныхъ колоннъ и вообще небольшихъ частей на мѣстности горной; но, замѣчали они, для этого нужны войска привычныя, какъ, на примѣръ, войска кавказскія. Говорили также о недостаткѣ военной опытности солдатъ, указывали на качество оружія, на неимѣніе резервовъ, а больше всего толковали о недостаткѣ офицеровъ вообще и боевыхъ въ особенности. Одинъ пожилой офицеръ изъяснялся

такъ: «Я самъ служу съ четверть вѣка, всю службу провелъ на мирныхъ поляхъ и состарѣлся, не видѣвши до сего дня сраженія. Ни разу не слыхалъ я ядра, какъ оно гудитъ надъ ухомъ... вдали, бывало, слышишь, да и то на ученѣ... и я до сихъ поръ считалъ себя военнымъ. Мнѣ ни разу на мысль не приходило, какое впечатлѣніе производятъ вой и дѣйствіе снаряда, когда снарядъ падаетъ около тебя, убивая твоего товарища и тебя самого обрызгивая кровью.... Многіе изъ нашей братіи смотрятъ, въ мирное, разумѣется, время, героями; иной, отпустивъ страшные усищи и цѣлый лѣсъ бакенбардъ, такъ и глядитъ Наполеономъ, изподлобья, а спроси-ка его, былъ ли онъ въ дѣлѣ, нюхалъ ли пороху. Немудреная, думалъ я, наука стоять подъ ядрами и умирать; однако, не привыкнешь къ ней скоро.... Читалъ я про подвиги Суворова, Ермолова, Пассека, Слѣпцова и многихъ другихъ нашихъ славныхъ военныхъ людей, но не могъ понять, въ чемъ же состоятъ подвиги. Ну, велятъ тебѣ — исполнилъ.... Убили — что дѣлать! судьба.... Теперь же, испытавши на себѣ боевыя удовольствія, буду понимать и цѣнить....» Этими словами пожилой офицеръ окончилъ свое разсужденіе.

Солнышко освѣтило окровавленные возвышенности Инкермана. Кучи тѣлъ тамъ и сямъ были разбросаны въ безпорядкѣ и въ различныхъ положеніяхъ. Многіе изъ смертельно раненыхъ шевелились, изнывая въ предсмертныхъ мукахъ; иные раненые вставали на ноги, бессмысленно озирались и опять падали на землю, съ глухимъ стономъ. Войска стрѣляли рѣдко. Всѣ были утомлены.

Остатки нашего разбитого полка собрались сначала у горы, а потомъ перешли за мостъ и строились невдалекѣ отъ перевязочнаго пункта. Наша артиллерія тоже спустилась съ горы и отправилась на свою старую позицію, гдѣ была наканунѣ дѣла. Многихъ раненыхъ товарищей артиллеристы везли на лафетахъ своихъ орудій.

Непріятель, спустя часъ времени, рѣшился поставить свои полевые орудія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ брошены были при началѣ наши мѣшки, и сдѣлалъ оттуда по насъ и по перевязочному пункту нѣсколько осиплыхъ выстрѣловъ, не знаю какими снарядами, потому что ни одинъ снарядъ не долетѣлъ ни

до насъ, ни до перевязочнаго пункта. На эти выстрѣлы ему отвѣчали съ маяка. Стоявшая тамъ огромнаго калибра гаубица съ страннымъ ревомъ послала гранату, которая заставила Французовъ поскорѣе убраться. Взявъ на передки, они скрылись. Тогда зашевелился отступать нашъ перевязочный пунктъ; вскорѣ тронулись и мы на свою старую позицію.

Медленно и невесело поплелись солдатики. Порой ктонибудь изъ нихъ оглядывался и, озираясь, спрашивалъ своего сосѣда: «живъ ли такой-то? не видѣлъ ли его?» — «Не знаю»; или: «убить!» Последнее слово чаще всего служило отвѣтомъ. Измученные, разстроенные, пришли мы на позицію. Грустна и пустынна показалась она намъ; съ какимъ-то стыдомъ вглядывались мы въ свои шалаши, оставленные утромъ. Въ трепетаньи засохшихъ вѣтокъ, покрывавшихъ наши жилища, будто слышались упрекъ и вопросъ: «гдѣ же кочевавшіе здѣсь? развѣ они не возвратились?» Вчера, въ этихъ самыхъ шалашахъ, раздавались свирѣль, громкія пѣсни; сегодня въ нихъ и кругомъ слышны однѣ молитвы. Вчера здѣсь было тѣсно: во всякомъ шалашѣ помѣщалось по четыре, по пяти и даже по семи человекъ; сегодня въ нихъ два, три человека, да и тѣ угрюмо вглядывали оттуда. Вчера были здѣсь говоръ, шумъ, игры; сегодня — грусть, пустота, скука....

Солнце садилось. Шла переключка наличнымъ людямъ и расчетъ. Въ эту минуту послышалось невдалекѣ, гдѣ-то на высокомъ дубу, заунывное кукованье кукушки, дополнившее печальную картину нашего бивуака послѣ инкерманскаго дѣла.

Много въ этотъ день было совершено никѣмъ не замѣченныхъ подвиговъ мужества, храбрости и самоотверженія. Долго говорили, напримѣръ, солдаты о подвигѣ прапорщика нашего полка Соловьева, который, видя нерѣшительность солдатъ (*) идти на непріятельскую батарею, закричалъ: «друзья, за мною!» бросился на нее и, виѣстѣ съ капральнымъ унтеръ-офицеромъ Яковлевымъ, за нимъ послѣдовавшим (**), былъ заколотъ Англичанами. Но вслѣдъ за ними ворвались и солдаты и всѣхъ застѣвшихъ тамъ Англичанъ перекололи безъ пощады, мстя за

(*) Солдаты, добѣжавъ до рва батареи, начали перебрасываться камнями съ Англичанами.

(**) Яковлевъ былъ капральнымъ въ 12 ротѣ 1 капральства,

смерть двухъ храбрыхъ. Объ этомъ подвигѣ, какъ и о многихъ другихъ, никто не зналъ, кромѣ нижнихъ чиновъ, которые говорили о немъ, а потомъ и забыли.... Да и вся осада Севастополя не есть ли непрерывный рядъ блистательныхъ подвиговъ?...

ЕГЕРЬ.

1860 года.

Владимірской губерніи, село Тѣйково.

Отъ Редакціи.

Помѣстивъ рассказъ унтеръ-офицера объ инкерманскомъ дѣлѣ, съ сохраненіемъ, по возможности, даже характера изложенія автора, мы позволили себѣ исправить въ немъ лишь нѣкоторые грамматическіе промахи. При этой же статьѣ, авторъ прислалъ два довольно большія стихотворенія, одно подъ заглавіемъ: «*Послѣдній штурмъ Севастополя, 27 августа 1855 года*», другое: «*Къ привалу*». Читатели видѣли, какъ излагаетъ *Егеръ* свои мысли въ прозѣ. Беремъ на выдержку нѣсколько мѣстъ изъ обоихъ его стихотвореній. Ожиданіе штурма авторъ выражаетъ слѣдующими строфами:

Тогда дни жаркіе стояли,
И крѣпко бились мы съ врагомъ,
Въ траншеяхъ знойныхъ штурма ждали,
Но все кончалось ядромъ.

Ихъ тучи намъ въ горячемъ дѣлѣ
Не время было сочитать,
Когда въ дыму они летѣли
Межъ нами грѣшнаго искать.

О самомъ же штурмѣ онъ говоритъ:

Штурмъ заревѣлъ, и дымъ клубами
Понесся вверхъ; но не дремалъ
Въ папахъ черной между нами
Неустрашимый генералъ:

Хрулевъ летѣлъ отважно къ бою,
И въ шумѣ слышались едва
«Ну, благодѣтели, за мною!»
Его обычныя слова.

Большими достоинствами отличается стихотвореніе: «*Къ привалу*»:

Въ лѣсу пожелтѣли березы,
Настала дождливая осень,
И къ долу печальныя слезы

Съ косматыхъ катилися сосенъ.
 Лишь вѣтеръ гулялъ спозаранокъ,
 Да вѣчно зеленыя ели,
 Качаясь на голыхъ полянахъ,
 Кругомъ заунывно шумѣли.
 Какъ ропотъ, журчанье потока
 На днѣ отдавалось врага,
 И къ теплему краю востока
 Стремилася птичекъ ватага....

— Въ ту пору, далекимъ проселкомъ,
 Солдаты плелися къ привалу,
 И вотъ подошли тихомолкомъ
 Къ селенію мало по малу.
 Знать, больно понравились хваты,
 Что вышла на встрѣчу бабенка
 И вынесла даже изъ хаты
 Съ кудрявой головкой ребенка.
 Въ солдатъ добро, а не злоба:
 Онъ ласково встрѣтился съ вами;
 Чего жъ испугались вы оба,
 О чемъ залилися слезами?

— Не мужа ль мать видѣть хотѣла,
 Иль плачешь о другѣ далекомъ,
 Иль просто нужда одолѣла
 Бѣдняжку въ углу одинокомъ?
 Кто знаетъ чужое несчастье?...
 А подлѣ старуха ворчала:
 «Чего ты глазѣшь въ немястье,
 «Чего разревѣлась?... Узнала?
 «Должно быть, походятъ на мужа
 «Лихіе усатые хваты?
 «Уйди: видишь, мокреть и стужа,
 «И даже смѣются солдаты!»

— Въ походъ снова двинулась рота,
 Скрываясь изъ глазъ въ отдаленія,
 Захлопнулись, скрыпнувъ, ворота,
 Народъ разошелся въ селенія,
 И пѣсня солдатъ по дорогѣ
 Все глуше и глуше стихала;
 Солдатка одна на порогѣ,
 Къ углу прислонившись, стѣла,
 И слезы у ней и у сына
 Безмолвно лились по ланитамъ:
 Немалая, видно, кручина
 Лежала на сердцѣ разбитомъ....